

Вика грустно перебирала немногочисленные наряды, заранее подозревая, что проиграет всем приглашенным на вечеринку девчонкам. Она печально посмотрела на огромную зеркальную дверцу шкафа, единственную мало-мальски ценную вещь в доме. Зеркало отражало нерешительно переминавшуюся с ноги на ногу полноватую девушку девятнадцати лет от роду, с мягким круглым лицом, небольшими серыми глазами, трогательно вздернутым носиком и пышным хвостом пшеничных волос. Ничего особенного в ее лице не было, кроме приятной простоты и очаровательной улыбки, но Вика и этого не замечала. Она видела только пухлую талию, тяжелые бедра и толстенькие икры коротких крепких ног. Еще взгляд омрачал неудачный изгиб плохо завившейся челки, слишком полные губы и здоровенный багровый прыщ на лбу, словно нарочно вскочивший не раньше, не позже, а именно к празднику. На самом деле прыщ сначала был крохотной розовой точкой, под мощным натиском Вики превратившейся в вулкан, но в этом она даже себе признаваться отказывалась, списывая все на судьбу, обошедшую ее своим вниманием по всем параметрам. Хорошо она выглядела только на пляже, где стройные и гибкие однокурсницы и подружки, так замечательно смотревшиеся в модных шмотках на

улицах города, терялись на фоне аппетитной Вики, притягивавшей взгляды кавалеров четвертым номером бюста. Во всяком случае, ей очень хотелось думать, что хотя бы там она выглядит на все сто, иначе жизнь вообще теряла всякий смысл. Вика была слишком скромной, слишком тихой, почти незаметной, поэтому подруги обожали брать ее с собой на всякие мероприятия, чтобы посверкать на ее фоне, демонстрируя ухажерам свое отточенное чувство юмора, плавные изгибы тонких тел и вообще сугубо женскую привлекательность, так замечательно оттеняемую пухлощеккой Викой, похожей на молчаливую матрешку. Она не была глупой, просто почему-то начинала стесняться в присутствии молодых людей, боясь привлечь к себе внимание.

— Эх, Вичка, — сказала ей как-то в порыве откровенности Марина Бульбенко, первая красавица курса. — Я бы с удовольствием поменяла свои ноги на твою грудь. Жаль, что меня никто не спрашивает, чего мне не хватает для счастья.

Вика тогда с интересом посмотрела на изумительной длины и формы Маринкины ноги и подумала, что тоже с удовольствием поменялась бы. Особенно ей нравились ультракороткие юбки, при помощи которых Маринка не только ничего не прикрывала, а, наоборот, беззастенчиво демонстрировала, при каждом удобном случае садясь на подоконники, скамейки и столы. По институту ходил анекдот про очкастого аспиранта с кафедры литературоведения, который, идя мимо взгромодившейся на подоконник Маринки и пытаясь разглядеть своими близорукими глазенками цвет ее нижнего белья, упал на лестнице и сломал себе руку. Над аспирантом долго смеялись, а вот к Маринке резко возрос интерес.

— Вот что значит качественный PR, — хохотала Бульбенко и строила глазки всем проходящим мужчинам, независимо от их возраста и финансового положения.

— Слушай, они за тобой и так, как оводы за коровой, стаями носятся, зачем ты их лишний раз провоцируешь? — с тоскливой завистью поинтересовалась Вика.

— Может, у меня комплексы, — хихикала Маринка, сверкая гладкими коленками. Судя по поведению, она очень смутно представляла себе значение слова «комплексы», хотя дурой, безусловно, не была.

— Ты меня слушай, — поучала она Вику, нравившуюся ей своей неконфликтностью. — Себя надо ценить. Сначала найди в себе плюс, а потом гордись им и трясись направо и налево. Вот у мужиков плюс всего один, а сколько понтов — страшное дело!

— У меня нет плюсов, — жалобно запрашивалась на комплимент Вика, со вздохом оглядывая Маринку, у которой этих самых плюсов было в избытке.

И Бульбенко великодушно утешала ее:

— Мало, но есть. Правый и левый. С такими плюсами можно брать города. У тебя ошибочное отношение к жизни и к мужикам. Когда ты приходишь в магазин за колбасой, ты же не хватаешь первую попавшуюся палку... Ну хорошо, хорошо, застенчивая ты наша, — гоготала она, глядя на стремительно заливающуюся краской Вику, страшно стеснявшуюся подобных тем, — за хлебом! Ты приходишь за хлебом. Так вот ты же не хватаешь первый попавшийся батон, а проверяешь их на мягкость. В жизни то же самое. Брать надо самый твердый!

— Мягкий, — опрометчиво поправила ее Вика.

— О! — закатила красиво подведенные глаза Маринка. — Ты неисправима. У меня такое чувство, что, даже учитывая современное изобилие товаров, ты явно останешься без хлеба вообще!

— Я хлеб не ем, — гордо сказала периодически садившаяся на непродолжительную диету Вика.

— Я вижу, — насмешливо кивнула Бульбенко, не уточняя, какой именно хлеб она имела в виду в данном случае. Ее улыбка была одинаково обидной при любом раскладе.

Красивой и стильной Маринке нравилось заботиться о Вике и, как она говорила, выводить ее в люди. Бульбенко была уверена, что без нее Вика зачахнет в пыльном углу одинокой и злобной бабкой. Вика с радостью принимала эту помощь, надеясь избавиться от позорной в наше время девственности.

Но это оказалось не так просто.

Начали они с совместных прогулок по центру города. Стоял душный июнь, позволявший оголить все, что только можно.

— Не вздумай надеть лифчик, — сурово предупредила Вику Марина. — Иначе ничего не будет видно!

— Ты что! — перепугалась выгуливаемая. — Если я его не надену, то видно будет все и даже больше!

— А что, тебе есть еще что показать? — сурово пригвоздила ее Маринка, выворачивая наизнанку правду жизни.

В результате Вика пошла в лифчике, но, сделав уступку неизвестно кому, надела кофточку с огромным декольте. Когда-то это была обычная футболка с большим вырезом, но пара стирок превратила некачественную вещь в нечто запредельное по цветовой гамме и растянутости отверстий.

— Да уж, — трагически констатировала ожидавшая ее у эскалатора метро Маринка, вокруг которой уже нарезали круги разнокалиберные мужички, словно акулы

вокруг наживки. — Полный отстой. Жаль, что тебе из моего ничего не подходит.

Хорошее настроение моментально покинуло «отстойную» модницу, и она сдулась, как проколотый шарик.

Заметив, что гулянье под угрозой срыва, Маринка компенсировала свое сообщение небольшим дополнением:

— Зато бюст у тебя то, что надо, совхозные буренки от зависти сдохли бы. Неси его, как знамя революции: гордо и с достоинством.

Вика слегка приободрилась.

— Смотри, чего у меня, — Маринка гордо выпятила впалый живот. На пупке болтался маленький колокольчик.

— Кошмар какой, это же больно, наверное, — с искренним состраданием вырвалось у Вики.

— Красота требует жертв, — любуясь позвякивающей безделушкой, прошептала Марина.

— Мне очень нравится! — тут же влез какой-то прыщавый юнец, изнывавший от полового безделья. Смирив его оценивающим взглядом и сделав для себя определенные выводы, Бульбенко отрезала:

— Если нравится, вставь себе такой же. Могу даже предположить, где у тебя звенеть будет!

Парня сдуло.

— Зря ты так, — с сожалением посмотрела ему вслед Вика.

— Отомри. Нам такое не надо. Глупо набрасываться на салаты, если впереди нас ждет заливной поросенок.

Находящаяся в стадии очередного диетического голодания Вика жалобно сглотнула и отогнала образ поросенка с хрустящей корочкой, пытающегося за нею приударить.

В результате через час они ехали в умопомрачитель-

ном джипе под могучие раскаты Rammstein... В компании двух полубандитов приятной наружности.

— Надеюсь, ты не очень боишься лишиться невинности? — на всякий случай шепнула ей Маринка, когда поблескивавший лаковыми боками джип притормозил рядом.

— Нет, — с жаром выкрикнула Вика и с надеждой уставилась на подругу. Когда Вика гуляла в одиночестве, надеясь с кем-нибудь познакомиться, то обычно к ней приставали удрученные многочисленными заботами отцы семейства, лысеющие казановы или густо усыпанные подростковыми прыщами парни, загипнотизированные объемом ее верхней части. Такие шикарные машины еще никогда рядом с ней не останавливались.

— Тогда учись, девушка, — подмигнула ей Маринка и ускорила шаг, потянув за собой едва не завалившуюся от неожиданности Вику.

Она спешила за длинноногой Бульбенко и переживала, как в анекдоте: а не слишком ли быстро я бегу. Машина красивым хищным зверем тихо кралась следом.

— Девушки, вы торопитесь? — глубокий бархатный голос заставил Вику напрячься, и она с трудом удержалась от соблазна оглянуться.

Зато Маринка, со вкусом продемонстрировав свой тонкий профиль и мотнув медно-красным кудрявым хвостом, гордо бросила:

— Да!

И снова поволокла за собой произвольно упиравшуюся Вику.

— Тогда мы можем вас подвезти, — голос не отставал, сливаясь с ласковым шуршанием толстых шин. Видимо, парень не планировал пачкать дорогую обувь, догоняя девиц пешком.

— Ага! — Марина остановилась так неожиданно, что не успевшая сориентироваться Вика снарядом пролете-

ла мимо нее и резко развернулась, поскольку Бульбенко оказалась сильной, как многотонный якорь, и дернула разогнавшуюся подругу назад, приведя Викины достоинства в долгий колебательный процесс. Водитель восхищенно цокнул языком, заставив девушку густо покраснеть:

— Такие девушки не должны ходить ножками.

— А то ножки стопчутся и станут короткими, — хрипловатым баском гоготнул плохо различимый пассажир.

Вика покраснела еще сильнее, тут же приняв глуповатую остроту на свой счет. Хамоватого парня сквозь тонированное стекло разглядеть было невозможно, зато водитель с удовольствием выставил в окошко свое породистое лицо, сиявшее белоснежной улыбкой, как клавиатура нового рояля. Мужчина был не просто красивым, он был холеным, уверенным в себе и от этого — наглым.

Маринка отчетливо засопела, как молодая кобылка в предчувствии победного забега.

— Здравсьте, — нарушила паузу Вика, побоявшаяся, что кавалеры, не дождавшись согласия, уедут.

— Здравсьте-здасьте, — из-за плеча водителя появилась топорная рожа, не лишенная некоторой мужской привлекательности и интересная именно своей непропорциональностью: между двух маленьких, глубоко посаженных глазок спелой грушей висел мясистый нос, под которым улыбались толстые губы в обрамлении свежей щетины.

— Чур, мой — водитель, — шепнула Вике в ухо ментально сориентировавшаяся Маринка.

Вика более пристально и внимательно посмотрела на пассажира, искренне считая его своей пусть временной, но собственностью.

— Ну, я так понимаю, что барышни уже определи-

лись, — хмыкнул водитель. — Осталось разобраться с маршрутом.

— Вот еще, — Маринка снова строптиво мотнула хвостом. — Пошли, Викуля. Юноши заблудились. Район красных фонарей, мальчишки, по другому адресу.

— Да, — согласно вякнула Вика, чтобы хоть как-то поучаствовать в разговоре.

— О, ситуация проясняется. — Парень вышел из машины, поскольку не желавшие знакомиться девушки тем не менее и уходить не торопились. — Значит, вы — Вика.

Он скользнул взглядом по смутившейся девушке и с интересом начал разглядывать Марину, начав снизу:

— А вы?.. — спросил он у презрительно наблюдавшей за транспортным потоком Бульбенко.

— А я — не Вика! — процедила та, не устаивая навязчивого кавалера взглядом.

— Это я как раз вижу, — с удовольствием констатировал парень, а Вика тут же нахохлилась, как обычно, углядев в совершенно ничего не значащей фразе что-то обидное для себя.

— А больше вы, случайно, ничего не видите? — едко поинтересовалась Марина, наконец повернувшись к нему и тоже придирчиво оглядев претендента. Судя по выражению ее лица, выдававшему ее с головой, как радостно трясущийся хвостик выдает эмоции наивного щенка, парень имел все шансы на успех.

— О, если я начну перечислять все те достоинства, которые я тут вижу, дня не хватит, — лениво улыбнулся он. — Да и вам будет скучно. Вы-то эту красоту каждый день в зеркале видите, а мне в кои веки раз представилась такая волшебная возможность. Уж не лишайте меня радости, будьте снисходительны.

Маринка, побоявшаяся перегнуть со своей непри-

ступностью, интуитивно поняла, что настал переломный момент, и неуверенно протянула:

— Ну я не знаю... Вик, ты как?

Вика была очень даже «за», единственное, что ее смущало, — это опасность столь быстрым и опрометчивым согласием уронить свою цену, и неуверенность в том, что вечер закончится именно так, как ей этого хотелось бы, а именно — не в морге, с последующим упоминанием фамилий двух наивных дур в статье про маньяков.

С другой стороны, кто не рискует, тот не пьет шампанское...

— Я тоже не знаю, — неожиданно для себя сурово ответила она. — Все зависит от культурной программы. Если, конечно, программа планируется именно культурная, а не какая-то другая.

— Смотря как понимать слово «культура», — неожиданно сумничал «грушеноый» из прохладной полутьмы салона.

— Если вы допускаете разночтения в значении этого слова, то, боюсь, мы не сможем составить вам компанию по причине кардинального расхождения интересов.

Вика в ужасе слушала вываливающиеся из нее сентенции, прерванные лишь мощным тычком в спину, последовавшим от Маринки.

— О, не беспокойтесь, мы знаем, как доставить удовольствие интеллигентным и образованным девушкам! — успокоил их водитель, продолжая гипнотизировать Бульбенко, безошибочно распознав в ней старшую группы.

— Угу, — словно филин в дупле, радовался второй, сотрясая своим смехом подрагивающий джип. — И интеллигентных, и приезжих — всех отоварим.

— Яша, заткнись, — не выдержал водитель. — Ты своими шутками пугаешь не только девушек, но и меня.

Яша немедленно умолк, положившись на своего спутника.

«Яковлевич, Яковлевна... — машинально подумала Вика, от скудости выбора постоянно на каждого мало-мальски подходящего мужчину примеривавшая узы Гименея. — Нет, к такому отчеству и имя-то не подберешь. Ребенок потом всю жизнь будет страдать».

Она с сожалением стрельнула глазами в тонированное стекло, за которым корчился от смеха остроумный пассажир.

— Мы можем вместе поужинать, а потом погулять по городу, — попытался выровнять ситуацию водитель. — Кстати, Юрий.

Он картинно поклонился, вызывая Маринку на ответную откровенность. Судя по тону, он уже распланировал сегодняшний вечер и возражений не принимал.

— Ладно, только смотрите: поесть и погулять. Никаких дач, квартир и загородных поездок, — погрозила пальчиком Маринка.

— Вот и договорились! — Он и не ожидал отказа, потирая руки с таким удовольствием, словно девушки, наоборот, предложили сразу переходить к делу.

— Мы сядем сзади, — предупредила Бульбенко, строго сведя красивые брови.

— Как скажете, — Юрий распахнул двери, приглашая садиться.

Вике стало невероятно страшно, словно он не двери джипа открыл, а одеяло откинул. Она беспомощно посмотрела на Марину.

— Давай, давай, — шепнула та, — не понравится, поедим и отвалим.

Представив себе двух насосавшихся клещей, сытно отваливающих от собаки-кормилицы, Вика в очередной раз покраснела. Ей стало стыдно и страшно от мысли, что Маринка действительно сможет так поступить.

— Так как же зовут принцессу? — Яша, просунувший между сиденьями кастрюлеобразную башку, вблизи оказался еще более обаятельным и в то же время жутковатым.

Вика поежилась, хотя на нее он даже не посмотрел. Оба парня разговаривали исключительно с Маринкой, как будто других дам в машине не было. Вика привыкла, что ее, по неизвестной причине, игнорируют, словно она жила, нахлобучив шапку-невидимку, но в данной ситуации, когда расклад сил можно было расценивать как «два на два», это было возмутительно. Через полчаса кружения по городу в салоне обозначился отчетливый треугольник. Уставшая вставлять междометия в чужую беседу, Вика печально смотрела в окно джипа.

Ни в какой ресторан они, конечно, не поехали, а, проскочив пыльный город, прибыли на дачу. Особнячок из красного кирпича, украшенный с цыганским шиком какими-то башенками, вензелями и прочей поблескивающей на солнце мишурой, как оказалось, принадлежал Яше.

— Слушай, в принципе я не настаиваю, выбирай любого, — запыхтела Бульбенко, разглядывая выбравшегося из машины хозяина, оказавшегося под стать своей физиономии слепленным из крупных корявых деталей, в комплекте составлявших здоровенного амбала под два метра ростом. Судя по аксессуарам, Яша был весьма неравнодушен к золоту, поскольку, кроме якорной цепи на шее, он еще был украшен золотыми часами размером с небольшое кофейное блюдце, болтавшимися на мощном волосатом запястье, и печаткой на пальце, похожей на гайку от трактора «Беларусь».

Кавалеры тоже посовещались, залиvisto поржав, в связи с чем Маринка самодовольно хихикнула, а Вика испуганно съезжилась. Вопреки радужному настрою Бульбенко, Вика относилась к своей судьбе менее лег-

комысленно, поэтому в голову лезли то обрывки рассказов про извращенцев и маньяков, то варианты ее позорного изгнания из этого краснокирпичного рая. Кроме того, выпитый по дороге сок устал томиться в организме и требовал свободы и независимости, заставляя и без того неловко чувствовавшую себя Вику затравленно шнырять глазами по сторонам в поисках какой-нибудь деревянной будочки.

— Чего ты озираешься, как в лесу? — не выдержала Маринка.

— В туалет хочу.

— Мальчики, — немедленно завопила бескомплексная Бульбенко под полным ужаса взглядом подруги, — мы хотим привести себя в порядок!

«Мальчики» поняли все правильно, и Вика в который раз убедилась, что жизненный опыт, по крупицам набранный компанейской Маринкой, бесценен, а легкость в общении проистекает именно из возможности совершенствовать этот опыт на практике.

— Классно ты придумала, — искренне восхитилась Вика, когда девушки закрылись в кафельно-фаянсовом зале Яшиных апартаментов.

Марина тем временем хмурилась и пристально оглядывала убранство комнаты.

— Ты чего? — Вика уже повеселела: жизнь перестала казаться плоской, приобретя интригующие изгибы и маня неожиданными поворотами.

— Да я смотрю, нет ли камер, а то, знаешь, есть любители...

Вот умела Бульбенко испортить настроение!

Пока Вика, судорожно путаясь в белье, приводила себя в порядок, Марина уже успела расслабиться, закончив свой придирчивый осмотр. К моменту, когда покрывшаяся розовыми пятнами переживаний Вика стояла по стойке «смирно», подруга уже переключилась

на осмотр зубов, смешно гримасничая перед огромным зеркалом.

— Расслабься, — прошепелявила она, краем глаза узрев замершую у дверей Вику. — Нету тут ничего. Хотя...

— Что? — обмерла Вика, едва не расплакавшись. У нее было такое чувство, словно она шла-шла по зеленой полянке, весело напевая и подпрыгивая на одной ножке, и вдруг поняла, что это не полянка, а бездонная трясина, из которой эвакуироваться можно только при помощи вертолета, так как обнаружить дорогу назад уже невозможно.

— У них есть бассейн.

— И что?

— Ничего. Искупнемся.

— Так мы же без купальников, — Вика никак не могла взять в толк, является ли наличие пресловутого бассейна позитивным фактором или с ним может быть связана какая-нибудь непредсказуемая пакость.

— Зачем купальники, тут все свои.

— Кто это тут свой? Ты что, обалдела? Я не буду купаться голая при мужиках.

— Так это же наши мужики. Мы их арендуем у природы на эту ночь. Я же тебе говорила, будь проще. Раз угощают — бери и не отказывайся.

— Иногда, знаешь ли, особо экономные хозяйки норовят сделать салат из некондиции и подложить в тарелку что-нибудь несвежее, чтобы не пропало.

— Я смотрю, мы набирались опыта в разных местах. Ты бы придерживалась курса партии и правительства, а то тебя прибьет волной к необитаемому острову, и будешь ты киснуть старой девой.

— Но что они-то про нас подумают? Так сразу! Раз мы голые, значит, нас можно... того...

— Утопить! — хохотнула Маринка.

— Ужасно смешно. Просто блеск. Я имела в виду, что отдаваться незнакомому мужчине так сразу...

— Не поломавшись, — поддержала мысль веселящаяся Марина, — не набив себе цену...

— Без предварительного этапа, — рывкнула Вика, которой надоело чувство превосходства, выпиравшее из Бульбенко словно пух из старой подушки.

— Так это смотря что считать этапом, — не сдавалась Маринка. — На бибике тебя прокатали, соку дали...

— Я его уже вернула, — с горьким ехидством поведала ей Вика.

— Умница, — кивнула Маринка. — А теперь еще пойди и верни деньги за бензин и возполни мальчикам моральный ущерб за потерянный вечер, и тогда они тебя точно утопят, хоть голую, хоть одетую. Ты в каком веке живешь? Что это за дикость: ты же сама согласилась ехать!

— Но я же согласилась только покататься и в ресторан!

— А платить по счетам!

— Так мы же не ели!

— Мыслить надо шире! Если ты соглашаешься на банкет, то будь готова мыть потом посуду.

— Обычно с банкета гости просто уходят. Я что-то не слыхала про такие банкеты, после которых народ за собой тарелки моет.

— Так то гости. А ты будь хозяйкой. В этой жизни гости — люди зависимые, их в любой момент могут попросить на выход. Надо быть хозяином, так сказать, директором заведения. — Маринка мечтательно вытянула руки и полюбовалась маникюром.

— И что, когда собеседование на должность директора? Прямо сейчас, в бассейне? — съязвила Вика.

— До директора надо дорасти, а мы сейчас просто официантки, ясно?

— Нет. Я на это не подписывалась.

— Ты гулять с какой целью пошла? Чтобы познакомиться?

— Ну.

— Гну! Познакомилась?

— Познакомилась. Только я не поняла, с кем. Мы про них ничего не знаем...

— А если бы это был кто-то другой, ты бы что, паспорт попросила?

— Нет, просто так быстро люди не переходят к заключительному этапу, — возмутилась Вика.

— Если для тебя купание в бассейне и эта ночь — заключительный этап, то прими мои соболезнования! — выдохнула Маринка. — У меня другая цель.

— Ага. Стать хозяйкой этого особняка, — понимающе кивнула Вика, не забыв презрительно сморщить носик.

— Хотя бы, но прежде надо прояснить для себя массу моментов, а именно: нет ли тут уже хозяйки, не прогадала ли я с особнячком, и вообще — нет ли в пределах досягаемости чего-нибудь более сладкого и более достойного меня. Мыслить надо так, иначе твою судьбу наматают на швабру и будут возить по мраморным полам метрополитена или подтирать лужи в пельменной.

— Девочки, вы скоро? — жизнерадостный вопль кого-то из мужчин, донесшийся из внутреннего двора, прервал полемику на самом интересном месте.

— Уже идем, — чирикнула Марина и ткнула Вику в бок: — Ты определилась с объектом?

— В смысле, с особнячком?

— О, да ты схватываешь все на лету, — гоготнула Маринка. — Пока я имела в виду только мальчиков.

— Не-а, мне все равно, — честно ответила Вика, представлявшая себе романтику Маринкиной жизни несколько иначе. Конечно, ей хотелось получать в по-

дарок милые безделушки, ценой в несколько маминых зарплат, ходить по клубам и ресторанам хотя бы каждые выходные, а не раз в два месяца, скопив деньги на билет, хотелось, чтобы у выхода из института ее встречал кто-нибудь на машине, пусть даже на отечественной, чтобы водили по магазинам, возили по курортам... Да мало ли чего ей еще хотелось. Маринкины кавалеры выкарабкивались из салонов своих иномарок, шурша букетами, галантно запихивали Бульбенко в авто и отбывали сорить деньгами. Со стороны это выглядело более романтично, а на деле оказалось как-то пошло и простенько. А главное — скоропалительно.

Вике хотелось если не любви, то хотя бы немного романтики, уважения... Но раздеться перед посторонними мужиками, пусть даже и «арендованными у природы временно», — это бред! Она чувствовала себя мышью, которую поместили в клетку и поставили на бортик террариума. От ее высокопарных размышлений на тему нравственности решетка клетки не канет в Лету, а змеи не издохнут от стыда.

Когда девушки спустились к бассейну, оказалось, что для них уже готовы коктейли, а кавалеры наслаждаются летним солнышком в полуголом виде. Гладко-рельефный Юра в длинных семейных трусах цвета морской волны развалился в пестром кресле. Рядом, словно обожравшийся кот, жмурился Яша, густо покрытый черной шерстью, а от этого похожий на огромную обезьяну. Вика испуганно отвела глаза и начала сосредоточенно считать солнечных зайчиков, прыгающих по голубой поверхности воды.

— Девочки, вы так изумительно дополняете друг друга. — Юра легко вскочил и подал им коктейли.

Марина непринужденно села на освободившееся место и кокетливо протянула:

— Вот как? Меня надо дополнять? Вот это новость!

Вика судорожно впилась в соломинку и присосалась, торопливо сглатывая горчившую жидкость. Яша вяло разглядывал ее и молчал, явно думая о чем-то своем.

— Мариночка, вы само совершенство, — заходился Юрий, нервно подхихикивая, но тем не менее держа себя в рамках приличия.

Его токование прервал громкий, почти водопроводный всхлип. Разволновавшаяся Вика неожиданно допила коктейль, последняя капля которого с утробным стоном взлетела по трубочке, заставив всех присутствующих вспомнить об обделенной вниманием толстушке.

— Яша, что ты разлегся? — качнул головой Юрий. — Поухаживай за девушкой!

Судя по диалогам, периодически возникавшим между мужчинами, главным в этом тандеме был Юра, что Маринка с удовлетворением и констатировала.

— Как я за ней поухаживаю, если ты там крутишься. На пятки тебе наступать? — зевнул Яша.

Викина роль теперь тоже была ясна. Она даже не расценивалась как массовка. Ее просто здесь не было.

Маринка с Юрой пропали из поля зрения, оставив Вику наедине с некультурным Яшей, не желавшим напрягаться на выдавливание из себя комплиментов. Он доел остатки фруктов из бокала и заметил:

— Я вижу, ты от меня тоже не в восторге. — Проницательность Яши вильнула не в ту сторону, но обиженная словом «тоже» Вика спорить не стала.

Она тихо сидела в кресле и ждала Маринку. Яша зазнул, раскорячив кривые волосатые ноги, и периодически всхрапывал. Коктейль почему-то на нее не подействовал, спать было страшно. Организм застыл в состоянии сжатой пружины, ожидающей момента, чтобы выстрелить кому-нибудь в лоб.

Примерно через час Яша неожиданно резко встал,

покрутил шеей, разминая затекшие мышцы, потом еще раз задумчиво посмотрел на Вику и примирительно сказал:

— Пойдем, что ли.

Она задохнулась от возмущения, воздух отяжелел и комком застрял в сжавшемся от обиды горле. Из глаз непроизвольно брызнули злые слезы.

— О, вот этого нам не надо, — поморщился Яша. — Мы девочек не обижаем. Хочешь домой — пожалуйста. Не надо мне тут сырость разводить.

Вика шмыгнула носом и прошептала:

— Хочу домой.

Она готова была бежать домой пешком через лес, только бы скрыться от этого очередного позора.

— Вот подфартило, — с непередаваемой интонацией пожаловался сам себе Яша, после чего надел белые шорты с оранжевыми сердечками и, сунув волосатые ноги в шлепанцы, больше похожие на лыжи, куда-то пошел. Через минуту до Вики донесся его удивленный голос:

— Мадам, вы ждете второго приглашения?

Она заторможенно прошла через какую-то комнату на вопль: Яшина голова уже торчала из машины, а темно-зеленые ворота медленно разъезжались.

— Я сама дойду, — тихо пискнула Вика, опасаясь садиться к жуткому мужику, явно недовольному знакомством с ней.

— Да куда ты дойдешь? — хмыкнул он. — Ты хоть соображаешь, где находишься?

— Мне все равно.

— Надо же, обычно девушки ко мне более лояльны. Садись назад.

— Зачем? В смысле, почему назад? — шарахнулась Вика.

— Елки-палки, вот чумовая! Тогда вперед. Я думал, ты так меньше дергаться будешь.

— Дергаться? — Вика в ужасе оглянулась, прикидывая, что лучше: убежать в глубь участка и перемахнуть через забор или метнуться к воротам, а дальше нестись по кустам, как вспугнутый заяц.

— В хорошем смысле, — мотнул головой Яша, изо всех сил старавшийся быть вежливым. Ему было неприятно, что эта невзрачная девчонка категорически отказывается им интересоваться и всячески демонстрирует свое неприкрыто-неприятное отношение к нему. Ну не красавец, конечно, не Юрка, но раньше так откровенно никто его не отвергал.

— В хорошем?

— Слышь, ты, эхо! — не выдержал Яша. — Лезь в машину, я тебя до города доведу.

«С чего это вдруг такая забота?» — покрываясь липким потом от обилия дурных предчувствий, подумала Вика.

Нижняя губа у нее запрыгала, а на глаза опять навернулись слезы:

— Я ничего не сделала, я никому ничего не скажу!

— И я не скажу, — на полном серьезе кивнул Яша. — Было б что рассказывать! Слушай, ты мне надоела. Садись и поехали, сколько можно!

На негнущихся конечностях Вика начала штурмовать салон, вяло цепляясь руками за кожаную обивку. Нога соскальзывала с подножки, и она пару раз стукнулась подбородком о сиденье.

— Надо ж так назюзюкаться одним коктейлем, — раздраженно пошевелил челюстями Яша и попытался помочь незадачливой пассажирке.

Едва только Вика почувствовала на своей пятой точке его лапу, как тут же ракетой влетела в салон, треснувшись головой о потолок.

Яша злобно захлопнул за ней дверь, рыкнув напоследок:

— Я не заразный. Ишь, шуганулась.

Джип несся по дороге с сумасшедшей скоростью. Неожиданно машина затормозила, пронзительно взвизгнув покрывками.

— Ты точно со мной не хочешь? — Яша с сожалением оглянулся на Вику, но вопрос совершенно явно адресовался ее колыхавшемуся бюсту.

Пассажирка вжалась в сиденье и приоткрыла рот, готовясь заорать. За окном шумел густой лес.

— Все, не вопи, — замахал руками Яша и желчно сплюнул в окно. Таких ударов его мужское самолюбие еще не переживало.

Он сдал назад, и Вика с облегчением поняла, что джип возвращается к автобусной остановке, притулившейся у извилистой ленты шоссе.

— Двери не открываются, — жалостливо проныла она, глядя на Яшу, вылезаящего из машины. Он ее не услышал. Вика настороженно проследила за траекторией его движения. Мужик вразвалочку шел к остановке.

«Надо же, какое воспитание, — подумала она. — В кусты не можем, нам надо за будку».

Но она ошиблась. За остановкой стояла симпатичная высокая девица то ли в юбке, то ли без оной, с длинными тонкими ногами и абсолютным отсутствием вторичных половых признаков. О ее принадлежности к женскому полу говорила только ярко-розовая маечка в цветочек и многочисленные колечки-цепочки, щедро рассыпанные по тощему телу.

Яша о чем-то быстро переговорил с ней, и они, обнявшись, двинули к машине. Вика сжалась, ожидая чего-то жуткого. Но ничего не случилось. Девица мельком, без интереса глянула на нее и переключилась на Яшу.

— Элочка, а что ты пьешь? — в его голосе неожиданно появились медовые интонации.

— Белое вино, — томно прогундела Элочка.

— Сделаем, — оживился Яша.

— Только я дешевое не пью, — предостерегла его поселковая прима.

— Так и я дешевое не пью, — утешил ее Яша. — Я вообще не любитель дешевки. У меня все самое лучшее. И девочки тоже.

Эля хихикнула и потрепала Яшу по колючей щеке. Вика с отвращением наблюдала их брачные танцы, злясь на себя, на девицу, строившую из себя дорогую штучку, на глупого Яшу, польстившегося на эту рыбью кость, и на Маринку, втянувшую ее в дурацкую историю.

У супермаркета Яша галантно выгрузил обеих девиц, недвусмысленно напутствуя покрасневшую Вику:

— Прощайте, барышня. Хорошего вам дня.

После чего подхватил подобранную на дороге вешалку за костлявый локоток и, приседая от избытка эмоций, поскакал в магазин.

На следующий день ей позвонила Маринка.

— А куда ты пропала? — прочирикала Бульбенко, но голос у нее был виноватый.

— За грибами пошла, — надулась Вика.

— Зря. Яша с тобой ходил?

— Частично.

Маринка озадаченно затихла, переваривая сообщение. Поскольку Вика тоже молчала, Маринка дополнила:

— Он, похоже, отбился от стаи грибников и приволок нам какую-то бледную поганку.

— Видела я ее, не напрягайся. — Вике было ужасно неприятно обсуждать все это, поэтому она попыталась

попрощаться с Бульбенко. Но Маринка прилипла, как голодная пиявка:

— Ты гробишь свою молодость непонятно на что! — высокопарно начала она, но тут же была грубо оборвана Викой.

— Зато ты понятно, на что тратишь. Надеюсь, Юрик твой дозвонился? — желчно добавила отвергнутая кавалерами Вика, намекая на колокольчик, продемонстрированный Маринкой в метро.

— Дозвонился, не переживай. У нас всегда все дома, не то что у некоторых! У Яши, между прочим, своя строительная контора!

— О, это чрезвычайно приподняло его в моих глазах! Рада за него, передай привет процветающему бизнесмену!

— Да, именно процветающему! — взвизгнула Маринка. — Ты слепая курица! Как можно упустить такого мужика?

— Кудах-тах-тах, — смиренно согласилась Вика. — Интересно, а он-то понял, какое сокровище проворонил?

— Какое сокровище? — не поняла Бульбенко.

— Ну, если до тебя не дошло, то до этого волосатого кактуса и подавно!

— Да что б ты понимала в мужиках! Знаешь, о чем свидетельствует избыток растительности на теле?

— Знаю, это проросшие извилины. Чрезвычайно умный мужик, такой весь в кучеряшках. Барашек! Кстати, ему для полноты ансамбля не хватает твоего колокольчика, ты с ним не догадалась скооперироваться?

— Дался тебе мой колокольчик! — наконец-то обиделась Бульбенко. — Слово-то какое откопала — скооперироваться! Мысли современными реалиями. Кооперировались знаешь когда? Когда варили джинсы в домашних условиях и строили коммунизм. А я предпочитаю

жить при капитализме, который, как выяснилось, вовсе не собирается загнивать! И что ты прицепилась к мужику? Что, кроме него? никого нет?

— Я прицепилась? Да я вообще уехала из этого вертепа!

— Ах, скажите, какие мы нежные. А подружку, значит, не побоялась там оставить? Интересно, совесть тебя не мучает? Вдруг бы меня потом в овраге нашли, а?

— Не сомневайся, я бы с удовольствием пошла в милицию и все рассказала! — заверила ее Вика, которой неожиданно стало смешно.

— Чего ты там хрюкаешь? Расстраиваешься по поводу моей безвременной кончины? — смягчилась Маринка.

— Нет, представила Яшу с колокольчиком, — фыркнула Вика и, не выдержав, расхохоталась.

— Просто умереть, как смешно! И вот такие люди меня окружают! Куда мир катится? — делано вздохнула Бульбенко. — Ладно, не все потеряно. Есть дворцы и кошельки покруче Яшиных. Меня пригласили на вечеринку. Вдвоем.

— Поздравляю. Удачной охоты.

— И тебе того же. Вдвоем — это с тобой.

— Я что, должна изображать кавалера? Мы пошли по лесбиянкам? А что, мальчики в округе закончились?

— Нудная ты, Муравьева! — вздохнула Маринка. — Юра разрешил мне взять подругу.

— Ах, разрешил! — разъярилась Вика. — Какой реверанс в нашу сторону! Вот спасибо! Яша планирует сделать второй заход, не переварил свою бледную поганку?

— Заглохни, впечатлительная! — заржала Бульбенко. — Яши там не будет. Можешь расслабиться.

— Уже расслабилась. Меня там тоже не будет.

— Если ты собираешься сидеть в четырех стенах, то не удивляйся, что плесенью покроешься!

— С чего это? — Вика напряженно посмотрелась в зеркало и расстроено отвела глаза.

— Да с того! Быстро ко мне, будем тряпки мерить!

Несмотря на булькавшую в Викиной душе обиду, она к Бульбенко все же поехала. Но примерка не удалась. Ни одна из Маринкиных тряпок ей не подошла.

— Ну надо же, вот это формы. Везет тебе, дуре. Не ценишь ты подарков природы, — искренне завидовала Марина, разглядывая Викин бюст. — Два таких сюрприза! Любой мужик на месте сдохнет!

— Ну сдохнуть, может, и не сдохнет, а вот если на голову ему это уронить, то сотрясение мозга обеспечено, — гордо констатировала Вика. — Кстати, у меня внизу еще две таких же и даже больше, так что все подарки уравновешиваются дефектами.

— Где? — вздрогнула Маринка. — С ума сошла? Вторым этажом, что ли?

— Подвалом, — смущенно хихикнула Вика и повернулась задом. — Вон, любуйся. И можешь свои юбки запихнуть обратно в шкаф, они тут не приживутся.

— А, ты про это, — облегченно выдохнула Бульбенко. — Шутки у тебя глупые, аж оторопь берет. Ты с мужиками шути осторожно, у них с юмором обычно напряг, они только свою рыбно-пивную тематику секут. Как брякнешь где, что у тебя сиськи в два этажа, так жди с утра очереди под окном.

Маринка походила вокруг смутившейся Вики, словно вокруг ценного музейного экспоната, и резюмировала:

— Тебя надо на пляжную вечеринку вести, там ты всех переплунешь. Только купальник надо посмелее.

Короче, вилай своей прекрасной душой и внутренним богатством, пусть ценят то, что в глубине, а потом мы придумаем, как прихорошить поверхность.

Всю неделю Вика только тем и занималась, что придумывала, чем прикрыть свои недостатки и подчеркнуть достоинства. Наконец настала заветная суббота, а она так ничего и не придумала.

— Вечеринка для богатых, так что я, хоть лопни, до них не дотянусь. И даже попробовать не буду. Носят же лысые мужики свою плешь, как орден, а я даже не лысая.

Но этот вывод практически не утешал, а лишь расстраивал. Представляя себе надушенную публику в открытых вечерних платьях, она только скрежетала зубами и подавляла рыдания, подкатывавшие к горлу.

Как всегда, спасла ее мама.

— Зая, у тебя такой роскошный верх, что ни один мужик не посмотрит на тряпку. Надень джинсы и маечку. Во всяком случае, ты не будешь выглядеть как лягушонок в панировке. Попытаешься выделиться, все равно не получится, так что плюнь на одежду и оденься простенько. Только не блисти глазами и не говори окружающим «мне плевать, что на мне», сама поверь, что тебе действительно на это плевать. Иди-ка сюда.

Мама подтянула ее к зеркальной дверце.

— Встань в профиль. Видала? То-то. Мужчины падают на детали: сначала он должен зацепиться за что-то выступающее, а потом уже ковыряться в твоём духовном богатстве. Как правило, им бывает достаточно одного аксессуара, а он у тебя есть. И, поверь мне, ого какой.

Под это напутствие Вика и вышла из дома, неся свой «аксессуар», как хрустальную вазу. Поднимавшийся ей навстречу потный дядька, живший где-то на верхних